

Алексей Холиков

Исследовательские аспекты биографии писателя: вместо предисловия

Scholarly Insights into the Biography of the Writer: Instead of an Introduction

Introduction to the special section Scholarly Insights into the Biography of the Writer

Напомню, что с легкой руки А. Декурселя к биографам прикрепился ярлык ‘ветошников истории’. И хотя биография – это действительно исторический труд, он далек от простого ‘тряпичничества’. Сегодня Россия продолжает переживать биографический бум. Но если в первой трети прошлого века интерес к жизнеописаниям дал толчок теоретическому осмыслению этого древнего жанра (Г. Винокур, Б. Томашевский, Ю. Тынянов), то в наши дни литературоведческие работы обобщающего характера в области биографики – редкость.

Публикуемый далее блок материалов открывает статья Виолетты Гудковой, в которой ‘биографический метод’ исследуется наиболее широко (как инструмент гуманитарной науки): на пересечении исторического и литературоведческого знания. В то же время исследовательница рассматривает только докумен-

тальный потенциал биографии и как историк сближает ее с автобиографическими текстами (здесь же возникает вопрос о сравнительной роли писем, дневников, а также мемуаров). Одним из ключевых в статье Гудковой становится разговор о принципиальной важности личного документа в создании ‘большой истории’ страны. За иллюстрациями она обращается к фигурам М. Булгакова, Ю. Олеси и малоизвестных драматургов 1920 – 1930-х гг.

К сказанному автором можно добавить, что, во-первых, разговор этот важен не только в свете обозначенного ухода гуманитариев от ‘деперсонализации’ как приметы идеологии массового человека, но и в контексте ответа на вопрос о том, в какой мере в биографии может сочетаться крупный и общий планы изображения – вопрос, связанный с пониманием сути биографического жанра. А во-вторых, говорить

о деперсонализации гуманитарных наук следует не только применительно к советскому прошлому. Креном в сторону обезличия человека (разумеется, на иных философских основаниях) отмечены постмодернистские штудии. К месту вспомнить известное изречение М. Фуко о том, что “исходить из человека в своем поиске истины” есть “несуразная и нелепая” рефлексия (*Les Mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*, 1966).

Еще один важный ракурс рассмотрения общей для всех материалов темы представлен в статье Валерия Тюпы, который на примере нескольких биографий А. Чехова (Г. Бердникова, С. Сендеровича, А. Чудакова) анализирует три нарративные стратегии жизнеописаний (монументальную, авантюрную и экзистенциальную), которые, по мнению ученого, комплементарно охватывают всю область биографических дискурсов. Если Гудкова отталкивается от фактологии, то Тюпа предлагает читателю иной методологический взгляд на ту же проблему, при котором реализуемая биографом стратегия существенно преобразует сам фактографический материал. А поскольку биографический

нарратив индивидуален (еще Л. Гинзбург удивительно точно заметила, что документальная литература не переживает готовый характер, а, как всякая литература, она его строит) и не сводится к одним лишь фактам, как в летописи жизни и творчества писателя, то даже в научном жизнеописании, по мнению Тюпы, в горизонте меняющегося исторического опыта последнее слово никогда не может быть сказано.

Ольга Богданова подробно рассматривает один из таких случаев. Исследовательница ставит перед собой задачу выстроить ряд имеющихся биографических книг о Ф. Достоевском и определить среди них место жизнеописания, созданного в 1935–1936 гг. Г. Чулковым (впервые опубликовано автором статьи в 2015 г.), тоже писателем, что заметно усложняет жанровую структуру данного текста – первой полноценной художественной биографии Достоевского, стоящей на прочном научном фундаменте. Именно в этой связи актуализируется разговор о механизмах мифологизации образа исторического лица.

Мифам, которыми известный писатель обрастает как при жизни, так и посмертно, мож-

но посвятить не одно исследование. Применительно к И. Бабелю об их природе рассуждает Елена Погорельская, один из авторов готовящейся к изданию биографии этого автора. Статья интересна не только с точки зрения архивных находок (например, о Бабеле и В. Маяковском), но и в теоретическом плане. В ней детально продемонстрировано решение сложнейшей задачи любого научного жизнеописания – разделение действия, происходящего в художественных произведениях, и реальных биографических событий. Биографы нередко доходят до полного психологического отождествления автора со своими героями. Случай Бабеля показателен тем, что его проза традиционно считается ‘автобиографической’, факт и вымысел соседствуют в ней на самых разных уровнях. Вместе с тем в статье обсуждаются и другие проблемы жанра: необходимость реконструкции ‘белых пятен’ (лакун), полнота освещения интимной жизни писателя, его взаимоотношений с литературными современниками. О последнем из перечисленных аспектов подробно говорится в статье Нины Мальги-

ной, которая с опорой на документы, практически в жанре реального комментария определяет неоднозначную роль Б. Пильняка в биографии А. Платонова. Отношения двух писателей, по утверждению ученого, представляют собой ценный источник сведений о круге общения Платонова. Они лучше проясняют одну из тайн судьбы писателя, чье присутствие в литературной жизни осталось почти не отмеченным даже теми современниками, которые признавали его гениальным.

Несмотря на то, что авторы всех статей опираются на конкретный историко-литературный материал (при этом многие из них вводят в научный оборот не известные прежде сведения), высказываемые ими суждения, в том числе дискуссионные, способны сформировать у читателя представление об общих проблемах биографического жанра в рамках науки о литературе, обозначить возможные направления дальнейших исследований, подтолкнуть к теоретическим размышлениям и выводам.